

УДК 099.3:090.1(571.16-25)(092)
ББК 76.10
DOI 10.20913/1815-3186-2018-1-10-15

АВТОРСКИЕ ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ ИЗ СОБРАНИЯ ТОМСКОГО ФАНТАСТА ВИКТОРА КОЛУПАЕВА

© И. В. Никиенко, 2018

Томская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина,
Томск, Россия; e-mail: inikienko@yandex.ru

В статье представлены результаты комплексного анализа надписей на книгах, подаренных томскому фантасту Виктору Колупаеву его коллегами. Поскольку в условиях разрозненности подходов к изучению инскриптов оценить их информативную ценность проблематично, целью описания колупаевского корпуса дарственных надписей стало обобщение разнообразных объективных и субъективных данных, по-разному интерпретируемых книговедами, историками литературы, социологами и лингвистами. Исследование показало, что авторские дарственные надписи являются максимально информативными для моделирования близкого к реальному образа адресата, риторического образа инскриптора и системы социальных связей в писательском сообществе.

Ключевые слова: писательский книгообмен, авторские дарственные надписи, образ адресата дарения, образ инскриптора, литературные связи, личностные и статусные отношения участников книгообмена

Для цитирования: Никиенко И. В. Авторские дарственные надписи на книгах из собрания томского фантаста Виктора Колупаева // Библиосфера. 2018. № 1. С. 10–15. DOI: 10.20913/1815-3186-2018-1-10-15.

Authors' dedicatory inscriptions on the books from the collection of Viktor Kolupaev, Tomsk science fiction and fantasy writer

I. V. Nikienko

A. S. Pushkin Tomsk Regional Universal Scientific Library, Tomsk, Russia; e-mail: inikienko@yandex.ru

The article presents the results of a complex analysis of dedicatory inscriptions on books gifted to Tomsk science fiction and fantasy writer Viktor Kolupaev by his colleagues. It is a great problem to estimate the informative value of inscriptions, while approaches to their research are disjointed, so the purpose of Kolupaev's inscription corpus specification is the synthesis of various objective and subjective data, which are differently interpreted by bibliologists, historians of literature, sociologists and linguists. The study has shown that the authors' dedicatory inscriptions are the most informative for modeling an «almost real» recipient's image, inscripтор's rhetorical image, and a system of social relations in the writing community.

Keywords: writers' book exchange, authors' dedicatory inscriptions, gift recipient's image, inscripтор's image, literary communications, personal and status relations of book exchange partners

Citation: Nikienko I. V. Authors' dedicatory inscriptions on the books from the collection of Viktor Kolupaev, Tomsk science fiction and fantasy writer // *Bibliosphere*. 2018. № 1. P. 10–15. DOI: 10.20913/1815-3186-2018-1-10-15.

Исследование разнообразных надписей (инскриптов) на книгах как средств индивидуализации владельческого экземпляра и источников разнообразных сведений о самой книге и связанном с нею кругом лиц становится одним из наиболее популярных направлений в изучении личных библиотек в России [2, с. 128–144]. При этом особый исследовательский интерес среди прочих инскриптов вызывают авторские дарственные надписи (далее АДН), рассмотрение которых позволяет судить не только о литературных и / или научных связях дарителя и адресата, но и об общих особенностях практики книгодарения в писательской либо академической среде. Эти надписи считаются настолько репрезентативными, что на них часто переносится родовое название «инскрипт».

Материалом нашего исследования послужили инскрипты 44 дарителей на 98 книгах из личного соб-

рания томского фантаста Виктора Колупаева (далее в основном тексте – ВК, в цитатах – полностью). 90 из них в июле 2016 г. были переданы дочерью писателя в фонд Томской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина для коллекционного хранения в секторе редкого фонда историко-краеведческого отдела, еще 8 остались в семейном архиве Колупаевых. В представлении результатов проделанной работы мы сознательно отказываемся как от каталогизации, так и от аналитического обзора колупаевского корпуса АДН в пользу содержательной интерпретации выявленных в ходе комплексного анализа формальных особенностей данной коллекции инскриптов. Поскольку это решение основано на нестандартной оценке информативности АДН и целесообразности различных подходов к их изучению, остановимся прежде на некоторых вопросах теоретико-методологического характера.

В настоящее время писательские инскрипты являются объектом внимания сразу нескольких групп ученых-гуманитариев, каждая из которых демонстрирует своеобразный исследовательский подход к инскриптам. Так, книговеды сосредоточены на степени заурядности / уникальности АДН и их способности отражать духовные ценности и культурный тип эпохи [4, 6, 7], историки литературы стремятся вписать эти тексты в общий контекст жизни и творчества дарителя и адресата [1, 9, 10], социологи признают их весьма показательными для характеристики не только личностных, но и в первую очередь статусных отношений участников книгообмена [8]. Нам же видится, что наиболее продуктивным является неспециализированное рассмотрение АДН, которое следует проводить на основе комплексной методики, сочетающей в себе приемы интерпретации материала, актуальные для названных выше направлений в изучении писательских инскриптов, равно как и различные приемы лингвистического (лингвоперсонологического, дискурсивного, текстологического и др.) анализа, позволяющие составить достаточно глубокое представление как о жанре инскрипта, так и о личности инскриптора [3, 5]. При этом инскриптологические исследования специалистов из разных сфер гуманитарного знания должны расцениваться не только как взаимодополняющие, но и как взаимокорректирующие, дающие возможность яснее понять, для чего изучаются АДН (какого рода информацию можно из них извлекать, насколько она будет достоверной, допустимо ли ее квалифицировать как первичную и т. п.).

На наш взгляд, приступая к изучению конкретного корпуса АДН, необходимо прежде всего осознавать ограниченность возможностей по получению из такого рода текстов новых данных о жизни и деятельности дарителя и адресата. Ограниченность эта связана в первую очередь с этикетностью жанра писательского инскрипта, о которой подробно писал известный отечественный социолог А. И. Рейтблат, полагающий, что «функция подавляющего большинства инскриптов – интеграция литературной системы на основе обмена знаками лояльности и фиксации статусов внутри системы» [8, с. 164]. Поскольку формула инскрипта не включает в себя в качестве обязательных элементов никаких объективных сведений (то есть не требует от автора честности, полноты и точности ни при описании ситуации дарения, ни при упоминании фоновых фактов), такие сведения могут вообще не появляться в тексте АДН (даже в минимальном наборе «имя адресата – место – дата дарения»), появляться там в недостаточном количестве (так, инскрипторы недостаточно регулярно указывают время и место дарения, почти никогда не упоминают его обстоятельства) либо представлять как двусмысленные (если книгообмен происходит между писателями из разных городов, невозможно точно сказать, указаны ли инскриптором дата и место их реальной встречи или же дата и место отправки книги по почте, «с оказией»).

В силу разных причин для историков литературы инскрипты могут быть абсолютно неинформативными

(наподобие отписок *С уважением от автора*), малоинформативными или псевдоинформативными (вводящими в заблуждение либо информирующими об общеизвестных фактах). Именно поэтому утверждение поэта Л. А. Озерова о том, что «за надписью <на книге> встают встречи, беседы, споры, работа, иными словами – жизнь» [7, с. 231–232], не следует трактовать в том смысле, что инскрипты являются богатым и достоверным источником о жизни и творчестве дарителя и адресата. С одной стороны, не любые извлекаемые из текстов АДН данные являются для исследователя ценными; например, поскольку основная доля случаев книгодарения приходится на заурядные события в жизни писателя (встречи с коллегами и воспитанниками в редакциях, на заседаниях местной писательской организации, на региональных и межрегиональных совещаниях, занятиях литературной студии, иногда в домашней обстановке, в библиотеке и др.), то и их точная датировка и локализация по большому счету безразличны. С другой стороны, значительная часть инскриптов требует верификации и восполнения информационных лагун с привлечением других источников. Приведем примеры:

1) результатом не критического отношения к АДН на книге, подаренной ВК Е. Гропяновым, мог стать вывод о том, что 22 декабря 1983 г. ВК находился на Камчатке, однако данное предположение, и само по себе маловероятное, опровергается вдовой и дочерью писателя;

2) тот факт, что ВК получил в дар от В. Головачева роман «Регулюм» на фестивале фантастики «Аэлиты-в-Томске», не прописан в тексте АДН, однако легко вычисляется на основе сопоставления присутствующих в инскрипте датировки и локализации акта дарения (20.07.00 // Томск) с фоновыми знаниями, почерпнутыми из фестивальной хроники (включая фотоматериалы; факт встречи ВК и Головачева на упомянутом мероприятии доказывается известным групповым снимком участников фестиваля, на котором даритель и адресат запечатлены сидящими бок о бок в первом ряду);

3) для расшифровки шутиливой подписи Г. Прашкевича на колушаевском экземпляре книги «Апрель жизни» (друг Гомбоджапа Ц.) пришлось обратиться к самому инскриптору, который сообщил, что Гомбоджапом Цыренджаповичем звали его кота (прототипа одноименного персонажа повести «Возьми меня в Калькутте»), а с известным бурятским театральным деятелем Г. Ц. Цыдынжаповым писатель знаком не был.

Все это говорит о том, что от инскриптов следует ждать скорее не новизны (эксклюзивности) информации, а эвристичности: необходимо выискивать в них данные, стимулирующие к дальнейшему поиску. Такой ярко выраженный эвристический потенциал имеют две АДН колушаевского корпуса.

Первая сделана иркутским фантастом Б. Лапиным на книге «Ничьи дети»:

Дорогому Виктору Колушаеву, брату по цеху, за работу в коем положено нам по бутылке молока, сердечно – Б. Лапин // Молодогвардейскую книжку не посылаю: в ней всё то же, да и «наследили» в ней... Б.

Известно, что в 1985 г. у Лапина вышли две книги: одна в Иркутске («Ничьи дети», Восточно-Сибирское книжное издательство), другая в Москве («Первый шаг», издательство «Молодая гвардия»). Слова *всё* то же означают, что в состав московского сборника вошли произведения, текстом которых ВК (которому Лапин ранее дарил свою книгу «Под счастливой звездой») так или иначе теперь располагает. Но к чему тут шутка о вредности писательского труда, и о каких следах инскриптор говорит в заключительной части надписи? Нет сомнения, что Лапин намекает на манеру работы новой редколлегии отдела фантастики издательства «Молодая гвардия», хорошо известную ВК по опыту подготовки к печати повести «Фирменный поезд "Фомич"», вышедшей в еще в 1979 г. Печальная судьба этой книги (текст которой был изрядно сокращен и приведен в соответствие с представлениями редактора о том, какие идеи должна нести в массы советская фантастика) стала в кругах фантастов притчей во языцех. Из инскрипта мы узнаем, что в «Молодой гвардии» Лапин прошел такую же унижительную процедуру «идеологического выравнивания» своих текстов, как в свое время и ВК; таким образом, сравнение «иркутского» и «московского» вариантов рассказов «День тринадцатый», «Кратер Ольга», «Коэффициент Маггера», повестей «Первый шаг», «Ничьи дети» могло бы дать богатый материал для изучения истории советской цензуры и литературного контроля.

Вторая представляющая особый интерес надпись обнаружена на изданной в Новосибирске в 1994 г. книге «Федька-зук, пират ее величества», автором которой значится некий Т. Дж. Креве оф Барнстейпл. Несмотря на то, что позднее этот псевдоним был раскрыт, а книга с некоторыми изменениями переиздавалась в 2011–2012 гг. в Москве как диалогия Н. Курочкина-Креве «Пират Ее Величества» и «"Морские псы" Ее Величества», в электронных каталогах многих отечественных книгохранилищ Креве оф Барнстейпл продолжает фигурировать в качестве самостоятельного автора, причем иностранного, поскольку на обороте титула новосибирского издания имеется копия переводчика, также упомянутого в области сведений об ответственности издательского описания книги. АДН Курочкина на экземпляре книги, подаренной ВК, обнаруживает ее истинное авторство; так, в составе инскрипта присутствует двойная подпись (*Th. J. Crevee of Bspl (KH)*; автограф *KH*, то есть «Курочкин Николай», встречается в коллекции ВК на трех книгах, изданных Курочкиным под собственным именем в Новосибирске и Благовещенске в 1980-е гг.) и комментариев по поводу неожиданной смены писателем имени и жанрово-тематических предпочтений (*Витя! Это я. Как ни странно*). В переписке с нами супруга и секретарь Курочкина дает такие шуточные пояснения относительно данного издания: «Ваша покорная слуга Елена Олейник за труды по редактированию и печатанию романов была удостоена звания переводчика. Естественно, с русского на русский». Данный материал представляется нам чрезвычайно любопытным для исследователей технологии литературных мистификаций.

Если же говорить об основном массиве АДН колупаевской коллекции, то они представляют ценность отнюдь не для детализации личной и / или писательской биографии с дальнейшим выходом в смежные исследовательские области, а для реконструкции специфического (риторического) образа адресата и дарителя и моделирования их отношений в сфере личного и делового общения.

1. В большинстве АДН колупаевского корпуса адресат предстает как *писатель*; эта общая характеристика ступенчато детализируется в квалификациях *прозаик* (моему любимому прозаику из томичей – А. Казанцев), *фантаст* (любимому фантасту – С. Борзунова и С. Федотов; Виктору Колупаеву, чей талант писателя-фантаста ценю так высоко – Ю. Яровой); фантастика при этом позиционируется как некий «антиреализм», область возвышенного (почти поэтического) и одновременно безответственно-свободного (не скованного требованиями исторической, бытовой и, возможно, даже психологической достоверности), о чем свидетельствуют многократно использованный разными инскрипторами прием сопоставления / противопоставления себя и адресата в смысле жанровой принадлежности (*Фантастическому Виктору Колупаеву <...> от занудливо-реалистического автора – С. Заплавный; Поэтическому фантасту <...> от фантастического поэта – А. Казанцев; Виктору Дмитриевичу // ненаучная фантастика о Томске – Б. Климычев, Виктору Колупаеву с надеждой заметить в моей книжке хоть что-нибудь фантастическое – В. Кудрявцева*).

В рамках «своего» жанра (а в некоторых случаях и за его пределами) ВК квалифицируется как признанный мэтр, хотя масштаб его значительности оценивается по-разному (от местного до вселенского, с ограничением по времени и без такового), ср: *Генеральному фантасту Томска и всей Сибири – А. Казанцев; самой яркой звезде нашей фантастики 70-ых – Вл. Гаков; писателю с мировым именем – М. Андреев; Виктору Колупаеву (пл. Земля) – В. Шкаликов*. Такие квалификации представляют собой сложный сплав объективного и субъективного, отражая динамику роста литературного авторитета ВК, когда томский фантаст вышел сначала на всесоюзный, а затем и на общемировой уровень известности (процитированные АДН датированы, соответственно, 1978, 1984, 1987 и 1988 гг.), и свидетельствуя об индивидуальных различиях в отношении дарителей к адресату и особенностях их риторической манеры (см. ниже).

Весьма показательной является освоенность инскрипторами некоторых профессиональных оценок прозы ВК как «лирической фантастики» (*мастеру лирического рассказа – В. Головачев; Поэтическому фантасту – А. Казанцев*), равно как и осознание дарителями не поддающегося четкому определению своеобразия творческой манеры адресата (*Основателю «колупаевской» фантастики – М. Михеев; ср.: распространенное в критике отнесение фантастики ВК к «странной», не похожей на литературный мэйнстрим прозе*).

Для части инскрипторов ВК является не только писателем, но и *физиком*, шире – ученым-энциклопедистом и *мыслителем* вообще (*Плинию – Эпиктет //*

<...> физику <--> жалкий гуманитарий – Н. Курочкин; подразумевается Плиний Старший, автор «Естественной истории»); писателю, мыслителю, другу... – В. Максеев), а также активным общественным деятелем (борцу за многие добрые дела – Л. Пичурин; имеется в виду участие ВК в экологическом движении).

В личном плане адресат характеризуется как человек, обладающий богатым внутренним миром (Колупаевым – узорным фантастам – эту книгу под цвет их мироощущения – С. Заплавный, на книге «Узоры») и выдающимися душевными качествами, которые, по мнению инскрипторов, и обуславливают его литературную одаренность (ср.: одному из немногих, обреченных на талант честности и доброты – И. Картушин; Хорошему писателю, хорошему человеку – В. Максеев; прекрасному писателю и человеку – В. Михановский; талантливому писателю, доброму другу – Г. Прашкевич).

Инскрипторы из близкого окружения ВК стремятся подчеркнуть значимость для него семейных ценностей в коллективных посвящениях (Глубокоуважаемой семье Колупаевых – Т. Калёнова; Вите Колупаеву – со чадами и домочадцами – С. Федотов), включающих в число адресатов дарения жену писателя Валентину и его дочь Ольгу (Виктору Колупаеву и его женщинам (домашним) – И. Картушин; Оле, Вале и Виктору – Г. Прашкевич), а также его любимую собаку (Виктору Колупаеву и его замечательной семье, состоящей из Вали, Оли и Дислы – Г. Прашкевич).

2. Воссоздать целостные образы инскрипторов с опорой на корпус АДН, адресованных одному человеку, достаточно затруднительно по причине недостаточности материала для обобщений. Тем не менее сравнение инскриптов одного автора в случае неоднократного дарения, а также сопоставление объединенных по какому-либо признаку инскриптов разных авторов дают возможность связать речевое поведение дарителя с характером отношений между ним и адресатом.

Так, например, рассмотренные выше АДН с оценкой масштаба дарования ВК позволяют оценить как наиболее энергичную и выразительную риторическую манеру А. Казанцева. Как ни странно, его инскрипт Генеральному фантасту <...> всея Сибири звучит более лестно, чем надпись М. Андреева, хотя приписывает ВК лишь региональную, а не глобальную значимость: казанцевское посвящение, основанное на градации и трансформации известного устойчивого выражения, уподобляет томского фантаста сначала генералу, а затем и царю фантастики, в то время как андреевский инскрипт не слишком удачно реализует стандартную антитезу «великий адресат – незначительный даритель» (писателю с мировым именем от скромного автора маленькой этой книжки) из-за недостаточной оригинальности и контрастности используемых лексических средств. Более успешно с аналогичной задачей справились Вл. Гаков и В. Шкаликов: первый в инскрипте самой яркой звезде нашей фантастики 70-ых – от безвременно упавшей <...> «звезды» 80-ых не только обыграл рисунок на обложке своей книги «Четыре путешествия на машине времени», но заодно и напомнил адресату о его пер-

вом англоязычном издании (*Hermit's Swing*, Macmillan, 1980), где он был представлен американской публике как *one of the blazing young stars of Soviet SF*, второй же в АДН Виктору Колупаеву (пл. Земля) от Владимира Шкаликова (Советский Союз) актуализировал весьма уместный для диалога двух фантастов «космический контекст».

Другие инскрипты Казанцева (как правило, краткие и эффектные) обнаруживают его прекрасное владение жанром дарственной надписи, причем жанром не речевым, а именно литературным. Л. А. Озеров отмечает близость подобных инскриптов эпиграмме [7, с. 240], мы же вслед за А. И. Рейтблатом хотим подчеркнуть их потенциальную публичность [8, с. 159]. Высокая стилистическая креативность таких АДН свидетельствует о наличии некоторой дистанции между дарителем и адресатом; по-настоящему близкие отношения участников книгообмена связаны обычно с выбором предельно простых и безыскусных форм АДН (ср. первую и все последующие надписи ВК от А. Рубана: крестному папе этой книжки [«Чистая правда о том, чего не было»] от благодарного ее родителя и Виктору Дмитриевичу с любовью) либо с наличием в тексте инскрипта игровых отсылок к фактам, известным и / или понятным только дарителю, адресату и их ближайшему окружению (например, античные прозвища в цитированном выше инскрипте Н. Курочкина, символическое введение в круг общения двух фантастов кота Г. Прашкевича как персонажа, «асимметричного» собаке ВК, намеки на редакторский произвол в «Молодой гвардии» в АДН Б. Лапина и т. п.).

3. Простейший качественно-количественный анализ колупаевского корпуса АДН говорит о разнообразии литературных связей томского фантаста. Действительно, его общение с коллегами не ограничивалось ни рамками Томской писательской организации, ни рамками фэндомы. Так, ровно половина контактов ВК – 22 дарителя из 44 – иногородние писатели (из Новосибирска, Москвы, Свердловска, Иркутска, Днепропетровска, Петропавловска-Камчатского и Якутска), из них 8 надписывали ему книги неоднократно. При этом наряду с фантастикой (22 издания из 98) и фанкритикой (5) ВК часто получал в дар поэзию (26), а также разного рода нефантастическую художественную и художественно-публицистическую прозу (44); особняком стоит монография по радиоэлектронике, подаренная писателю коллегой-физиком.

В изученном материале представлены два из трех выделенных А. И. Рейтблатом типа писательских инскриптов:

- 1) «снизу вверх» (от рядового / низшего члена литературного сообщества – мэтру);
- 2) «по горизонтали» (от коллеги – коллеге) [8, с. 164–165].

Авторские дарственные надписи первого типа (включая инскрипты учеников ВК) немногочисленны. Как было показано выше, традиционная риторически-самоуничижительная манера написания инскриптов «снизу вверх» может быть реализована дарителем в чистом виде (как в АДН М. Андреева) или сглажена

за счет привнесения игрового компонента (как в АДН Вл. Гакова и В. Шкаликова, ср. также замыкающее инскрипт последнего пожелание *Будь счастлив, командир!*, в котором даритель обращается к адресату так, как было принято среди участников руководимого ВК «Клуба фантастов»), однако нередко даритель и во все выводит себя за рамки оценивания и помещает в центр посвящения благодарность адресату (за руководство, экспертную поддержку, сочувствие и тому подобное: моему *Учителю, Наставнику и Проводнику по тернистым и загадочным тропам Страны Фантазии!* – Д. Федотов; с признательностью за *помощь* в создании этого сборника – А. Шалин; *фантастическому писателю и читателю от чулымского скитальца* – С. Яковлев; ср. также цитированную выше АДН А. Рубана).

В АДН **второго типа** инскрипторы обычно выражают уважение к ВК и восхищение его творчеством, а также часто делают акцент на «цеховой солидарности» и «деловой дружбе» с ним, используя различные маркеры общности (от *собрата по перу* – Е. Городецкий, С. Заплавный; от *сотоварища по перу, с товарищеским приветом* – С. Заплавный; *дружески* – А. Казанцев, И. Картушин, М. Черненко; *другу и соратнику* – Н. Курочкин; *брату по цеху* – Б. Лапин; с *чувством дружбы* – В. Михановский, *собрату по жанру от любящего его творчество коллеги* – С. Павлов); надписи от близких друзей и любимых учеников ВК, как видно по приведенным ранее примерам, обычно менее формальны.

Интересно, что при неоднократном дарении иногда можно проследить некоторую эволюцию в отношениях инскриптора с адресатом. Речь идет не только о случаях, когда знакомство перерастает в дружбу или устойчивое приятельство, о чем свидетельствуют повторные инскрипты С. Заплавного, Б. Лапина, М. Михеева, Г. Прашкевича, более душевные по тону и / или более раскованные по манере, но и об изменении эмоционального фона и степени фамильярности АДН, связанном с параллельным ростом статуса обоих участников книгообмена. Так, АДН В. Головачева на первой из подаренных ВК книг (*Виктору Дмитриевичу Колупаеву, мастеру лирического рассказа*; 1983 г.) говорит о том, что их отношения на тот момент развивались сугубо в рамках делового протокола (в своем посвящении инскриптор использует полную форму имени и почти официальный «литературный чин» адресата). Данная надпись отчасти даже тяготеет к инскриптам первого типа (хотя В. Головачев дебютировал с ВК почти одновременно, он был на 12 лет моложе и мог относиться к томскому фантасту как к старшему коллеге; неслучайно в этом контексте появление слова *мастер*). Когда же оба участника книгообмена оказались в числе почетных гостей «Аэлиты-в-Томске» (2000 г.), Головачев, в этот

почти 20-летний промежуток с ВК активно не контактировавший, надписал ему свою новую книгу как старый товарищ, как ветеран ветерану (*Виктору Колупаеву с искренней симпатией! Будь здоров, дружище!*; 2000 г.).

Таким образом, исследование АДН на книгах, подаренных ВК его коллегами, позволяет утверждать, что:

- в так называемом «реальном» плане информативность писательских инскриптов невелика, однако некоторые из них могут быть источником сведений, позволяющих осознать проблемную ситуацию и инициировать новое исследование в сферах, прямо или косвенно связанных с жизнью и творчеством участников книгообмена;
- образ писателя-адресата, восстанавливаемый с опорой на корпус посвященных ему АДН, в целом адекватен, однако как общее представление о нем, так и его частные характеристики не всегда принадлежат персонально инскриптору; чем больше профессиональная и человеческая дистанция между участниками книгообмена, тем больше вероятность того, что даритель будет воспроизводить некоторые готовые (выработанные внутри литературного, литературно-критического и читательского сообщества) стереотипы восприятия адресата, его отдельных произведений и представляемого им литературного жанра в целом;
- образ писателя-инскриптора, восстанавливаемый с опорой на его АДН, посвященные одному лицу, заведомо односторонен, однако косвенным образом отражает характер его отношений с адресатом, а также частично свидетельствует о степени сформированности его риторической культуры и уровне креативности;

• по данным АДН, особенностью системы литературных связей писателя, получившего известность в масштабе страны и частично за ее пределами, но продолжающего жить и работать в провинции, является полицентризм, то есть наличие различных объединяющих центров – как более или менее постоянных, так и ситуативных (местная писательская организация, литературная студия / клуб, центральные издательства, редакции литературных журналов vs межрегиональные писательские совещания, обучающие семинары, жанровые фестивали); при этом преобладание обращенных к такому писателю инскриптов, написанных «по горизонтали», над инскриптами, написанными «снизу вверх», следует считать нормальным.

Представляется, что полученные выводы могут быть уточнены и детализированы в ходе изучения корпусов АДН, в различных отношениях сопоставимых с колупаевским (прежде всего по статусу адресата и хронологии).

Список источников

1. Востриков А. В. Инскрипты из библиотеки Н. К. Михайловского // Культура и текст. 2015. № 4. С. 133–153.
2. Ильина О. Н. Изучение личных библиотек в России: материалы к указ. лит. на рус. яз. за 1934–2006 гг. Санкт-Петербург: Сударыня, 2008. 501 с.

3. Косых Е. А. Дарственная надпись (инскрипт) в речевом поведении homo scribens. URL: <http://gisap.eu/node/68719> (дата обращения: 20.09.2017). DOI: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i12.1591>.
4. Ласунский О. Г. «На память и в знак уважения...»: о культуре книгодарения // Библиофилы России. Москва, 2005. Т. 2. С. 53–62.

5. Марьин Д. В. Автографы писателя как объект филологического исследования (на материале автографов В. М. Шукшина) // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 3. С. 49–61.
6. Мыльников А. С. КATALOGИ библиотек ученых как историко-культурный источник // Советская библиография. 1986. № 5. С. 38–44.
7. Озеров Л. А. Надпись на книге // Встречи с книгой. Москва, 1979. С. 228–242.
8. Рейтблат А. И. К социологии инскрипта // Писать поперек : ст. по биографике, социологии и истории литературы. Москва, 2014. С. 157–165.
9. Эфендиева Г. В., Потапова А. С. О чем говорят инскрипты: дарственные надписи на книгах харбинских поэтов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: этнокультурные процессы в политическом контексте. Благовещенск, 2013. Вып. 10. С. 299–307.
10. Янушкевич А. С. Инскрипт в творческой системе В. А. Жуковского и в книгах его библиотеки // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 1. С. 102–120.
3. Kosykh E. A. *Darstvennaya nadpis' (inscript) v rechevom povedenii Homo scribens* [Deed of gift (inscription) in the speech behavior of Homo scribens]. URL: <http://gisap.eu/node/68719> (accessed 20.09.2017). DOI: 10.18007/gisap:ps.v0i12.1591. (In Russ.).
4. Lasunskii O. G. «For memory and as a sign of respect...»: about the culture of book presentation. *Bibliofily Rossii*. Moscow, 2005, 2, 53–62. (In Russ.).
5. Mar'in D. V. Writer's autographs as an object of philological study (based on V. M. Shukshin's autographs). *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*, 2011, 3, 49–61. (In Russ.).
6. Myl'nikov A. S. Catalogues of the scholars' libraries as a source of historical and cultural information. *Sovetskaya bibliografiya*, 1986, 5, 38–44. (In Russ.).
7. Ozerov L. A. The inscription on the book. *Vstrechi s knigoi*. Moscow, 1979, 228–242. (In Russ.).
8. Reitblat A. I. On the sociology of inscription. *Pisat' poperek : st. po biografike, sotsiologii i istorii literatury*. Moscow, 2014, 157–165. (In Russ.).
9. Efendieva G. V., Potapova A. S. What do the inscriptions tell us: deeds of gift on the books of Harbin poets. *Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh: etnokul'turnye protsessy v politicheskom kontekste*. Blagoveshchensk, 2013, 10, 299–307.
10. Yanushkevich A. S. Inscription in V. A. Zhukovsky's creative system and beyond it in the books of his library. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2011, 1, 102–120. (In Russ.).

References

Материал поступил в редакцию 05.10.2017 г.

Сведения об авторе: Никиенко Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь ТОУНБ